

УДК 940.1:321

Восток-Запад: этнополитические контрасты в формировании государственных институтов в Средневековье

А. Б. Пичугин,

*Казанский национальный
исследовательский технологический
университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

East-West: ethno-political contrasts in formation of state institutions in the medieval period

A. B. Pichugin,

*Kazan National Research Technological
University,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian
Federation*

Аннотация

В статье рассматривается одна из важнейших проблем Средневековья: возникновение государств на евразийском пространстве. После известных событий Великого переселения народов начинается бурное заселение некогда пустовавших территорий Восточной Европы. В результате этих миграций произошло формирование целого ряда этносов и суперэтносов, в числе которых можно отметить великорусский и болгарско-татарский суперэтносы. В ходе исследования выявлены некоторые параллели в формировании государственности Древней Руси и Волжской Булгарии, где важнейшим государствообразующим фактором являлись внешние и внутренние миграционные процессы, спровоцированные социально-политическими коллизиями эпохи. Автор так же замечает, что формирование государственных институтов Руси и Волжской Булгарии проходило в разных плоскостях: при формировании болгарской государственности ключевую роль сыграли хазарские и восточноазиатские институты управления, тогда как государственность Руси формировалась под влиянием скандинавских и византийских политических институтов. Таким образом, в эпоху Средневековья тип государственности страны был тесно связан с социокультурной идентичностью новообразованных этносов. Данное исследование заостряет внимание на процессах взаимодействия Востока и Запада в историко-генетическом аспекте, а также раскрывает закономерности в формировании государственных институтов Востока и Запада.

Abstract

The paper deals with one of the most important problems of the medieval period - the emergence of states in the Eurasian space. After the well-known events of the Migration Period, the previously empty territories of Eastern Europe were settled rapidly. Those migrations resulted in the formation of some ethnic groups and superethnoses, including the Great Russian and Bulgar Tatar superethnoses. The study revealed a certain correlation in the formation of the statehood in Ancient Rus and Volga Bulgaria, where the most important state-forming factor

was the external and internal migration processes triggered by the socio-political collisions of the era. The author also notes that state institutions of Rus and Volga Bulgaria were formed differently: during the formation of Bulgar statehood, the Khazar and East Asian governance played a key role, while the statehood of Russia was established under the influence of Scandinavian and Byzantine political institutions. In the medieval period, therefore, the type of a country's statehood was closely related to the sociocultural identity of the newly formed ethnic groups. This study focuses on the interaction processes between East and West in the historical and genetic aspect and provides insight into the patterns of state institutions' formation in East and West.

Ключевые слова

Государственные институты, государственность, Волжская Булгария, Московское государство, домонгольский период, Средневековье, миграция, восточная цивилизация.

Keywords

State institutions, statehood, Volga Bulgaria, Muscovite state, pre-Mongolian period, medieval period, migration, Oriental civilization.

Понятие государственности в политической литературе употребляется в различных аспектах. Например, согласно марксистской парадигме, это синоним государства определенного исторического типа (буржуазное, феодальное, социалистическое и т. п.), а также обозначение определенного этапа развития конкретного типа государства. В формате этой парадигмы понятие используется и для обозначения системы (механизма) диктатуры определенного класса или политических организаций. Термин «государственность» применяется и для обозначения системы органов государства. Государственность можно охарактеризовать и как особый признак, которым отмечено историческое развитие страны, нации, группы этносов, союза племен и т. п., сумевших создать собственное государство или восстановивших государственность, утраченную в силу различных причин (утрата независимости, слияние с другим государством). Государственность является не только достоянием общества и показателем его развития, но и идеологией, общественной, политической и культурной ориентацией, на развитие государства¹.

Институт государства включает в себя такие компоненты, как правовая система, характер элиты, ее отношений с социальными слоями общества, внешние контакты на уровне государственных структур. Таким образом, феномен государственности имеет разное содержательное наполнение, где важнейшее место в ряду его компонентов занимает историческое и социокультурное наследие. Для западноевропейских средневековых государств, к примеру, большое значение имели отношения государства и церкви, которые в разные периоды их истории характеризовались по-разному².

История Волжской Булгарии является частью истории России как контактной зоны цивилизаций. Некоторые ее черты иллюстрируют общие закономерности государственности своего времени, ритмов политического развития. Так, предпосылками к образованию Булгарского государства послужили крупные этнополитические процессы на Кавказе, вызванные напряженной обстановкой между Хазарским каганатом и Арабским, Омейядским и Аббасидским халифатами с 642 по 799 гг. н. э. Начатая в VII в. арабская экспансия на запад была сдержана Хазарским государством, которое стало постепенно терять контроль над подвластными территориями. Тревожная и нестабильная ситуация в регионе, таким образом, подтолкнула значительную массу болгарского населения, проживающего в Хазарии, мигрировать на Дон, в Крым, а также в Среднее Поволжье, где в IX в. возникла Волжская

Булгария³. С миграцией булгар на Волгу мигрировали и хазарские институты государственного управления.

А. Ахиезер пишет о расколе, через который прошли все народы на стадии превращения в государственные образования. По его мнению, преодоление раскола осуществляется «посредством переноса на большое общество культурных матриц локальных миров: идея монархического правления соединяла абстракцию государства с ее единоличным персонификатором (князем, царем, королем, императором, ханом, султаном), что ставило последнего в преемственную связь с родовым старейшиной, племенным вождем и отцом патриархальной семьи». Раннегосударственные образования сталкивались с трудностями «легитимизации властных полномочий и привилегий того слоя людей, которые составляли государственный аппарат», то есть правящей элиты⁴.

Начало государственности сопряжено со вступлением в осевое время, с радикальными изменениями не только в структурной организации общества, но и в мышлении. В концепте теории социокультурного раскола «Появление больших обществ, превращение процесса их возникновения в культурную ценность привело, в конечном счете, к переходу от господствовавшего локально-эмоционального мышления к абстрактному. Стала формироваться массовая способность мыслить абстрактно, осваивать абстракции, созидать новые культурные основы воспроизводства общества, продуцировать новые социально-культурные абстракции, такие как государство, закон, деньги»⁵.

С началом развития государственных образований в Восточной Европе, происходит разделение и дробление некогда единой и мощной Римской империи. Племена гуннов во II-IV вв. становятся господствующей во всей Восточной Европе силой, тем самым открывая новую веху в истории – эпоху Великого переселения народов⁶. Впоследствии племена гуннов сыграют важнейшую роль в формировании этнического евразийского пространства.

Временные отрезки формирования государственности Волжской Булгарии охватывают IX-XII вв. Они входят в так называемый домонгольский период, характеризующийся политико-экономическим развитием Поволжья до монгольского влияния. Этот период стал объектом научного исследования в силу его документальной малоизученности и большой расхожести исследователей во мнениях. Тем не менее, известно, что на формирование государственности волжских булгар большое влияние оказала восточноазиатская мусульманская культура.

Более того, влияние Востока пронизывает и всю историю России, в разных сопряжениях и степени. Отсюда евразийские особенности страны. В Российской империи присущие ей социокультурные контрасты пролегли не по горизонтали, а по вертикали. Это связано с особенностями модернизации как понятия освоения и имплантации западных форм организации общества. Бюрократические системы России оставались преимущественно азиатскими, в то время как культура правящего класса и тонкого слоя мыслящих людей эволюционировала и интегрировалась в европейскую науку и систему ценностей. Региональная составляющая имперской политики была производной от задач освоения новых территорий. Это сказалось на развитии всех регионов Востока России. В связи с этим, можно с уверенностью утверждать, что культурная составляющая является важнейшей силой в формировании многих общемировых систем ценностей. Так, согласно концепции С. Хантингтона, с началом типологического разграничения традиционных культур – неизбежно грядут конфессионально-политические конфликты между ними. Не все исследователи склонны разделять тезис о неизбежности столкновений

в глобальном формате⁷. Помимо того, что тезис С. Хантингтона не подкреплен фактическими примерами из истории, в частности, российской, он сформулирован в предельно обобщенной форме и поэтому требует корректировок.

В комплексе материалов отечественной истории сошлемся на особенности расширения территорий, контролируемых Москвой в Средневековье. Это расширение отличалось от процесса формирования колониальных и полуколониальных территорий западными странами. Данный факт признают и зарубежные историки. Дж. Хоскинг отмечает, что после того как прямая угроза восстания и сопротивления со стороны населения присоединяемых территорий Востока теряла актуальность, московские правители пользовались властью достаточно осторожно, не нарушая без нужды местных обычаев, законов, религиозных устоев. Конечная цель всегда заключалась в обеспечении интеграции новых территорий и населения в империю, но средства достижения этой цели отличались разнообразием и прагматизмом⁸. В этом смысле следует, конечно, вспомнить неудачную и жесткую миссионерскую политику Русского правительства Петра I в отношении инородцев Среднего Поволжья и их христианизацию, длившуюся почти 80 лет⁹. В этом сказывались вековые традиции взаимодействия внутри евразийского, имперского по типу государства. В Средние века важную роль в нем играло азиатское начало. Этот тезис в целом разделяет и французский историк Э. Каррер д'Анкокс, подчеркивающая, что Российская империя занимает в истории империй особое место. Помимо прочего, это связано с многонациональностью страны, неповторимое своеобразие которой придавало единство территории. Если в морских империях население метрополий и колоний было разделено, то в Российской, «возникшей в результате постоянных территориальных приращений», проблема взаимоотношений титульной нации и покоренных народов предполагала умение «жить вместе, несмотря на все различия». Указанный автор отмечает одновременность процессов расширения и интеграции¹⁰.

Для процессов складывания и формирования институтов государственности в древности и в Средние века, огромное значение имели массовые миграции – они и послужили своего рода катализатором для формирования государственности ряда этносов и суперэтносов. Одним из ярких и значимых процессов в мировой истории можно считать эпоху Великого переселения народов, которая во II-VII вв. затронула почти весь цивилизованный мир Европы, Азии, Африки. Благодаря этим процессам, подверглись сильным изменениям и этнополитические карты целых регионов. В ходе таких изменений в Европе гибнет Римская империя с ее античной культурой, а на ее месте возникает целый ряд государств, созданных германцами и славянами, которые стали основателями формирования новой Средневековой цивилизации¹¹. Деграция римского социума позднего периода, позволила разместить на его территории насилие и жестокость кочевых орд. Под гнетом своего «политического рабства» римляне редко давали отпор варварам, даже если они численно тех превосходили. Плодородные и густонаселенные римские провинции обратились в пустыню, а развалины городов и деревень служили пристанищем для немногих обнищавших жителей. Процессов, подобных Великому переселению II-VII вв., в мировой истории больше не наблюдалось. Но локальные миграционные движения в Восточной Европе все же имели место и позднее. Как пишет русский историк В. О. Ключевский, «исторические обстоятельства загнали некогда массу русского населения на верхневолжский суглинок. Здесь население, удерживалось в продолжении веков; но с середины XV в. засоренные кочевниками степи начали расчищаться. Взятие Казани с Астраханью, т. е. завоевание всего Среднего и Нижнего Поволжья, военные успехи Московского государства за Окой и появление целого ряда укрепленных городов, углубившихся в степь, Тулы, Орла, Курска, Белгорода

и т. д. – все это позволило крестьянам вернуться на некогда покинутые их предками места и пепелища. Крестьяне устремились к заокскому чернозему, ввергая государство в состояние страшного кризиса»¹². Похожая картина наблюдалась в конце XII в. в Киевской Руси, когда коалиция из русских князей во главе с Андреем Боголюбским в 1169 г. практически уничтожила Киев. После трехдневного разорения города, являвшегося в то время не только желанным столом для великих князей, но и богатейшим центром международной торговли, происходит большой отток южных славян из разоренного Киева в северо-восточные земли Владимиро-Суздальской Руси, тем самым дав почву для формирования нового великорусского суперэтноса. Отток из Киева так же проходил и в сторону Карпат, на Западный Буг и далее в области Волынского и Галицкого княжеств, формируя малоросский (украинский) суперэтнос¹³.

Один из древнейших локальных миграционных процессов, имевших важное значение для формирования Древнерусского государства, проходил в раннем средневековье на территории нынешней Рязанской области. Он был отмечен многими исследователями под названием археологической «культуры рязано-окских финнов». Изучение вопросов возникновения и упадка культуры рязано-окских финнов до сих пор открыто, хотя ее историография включает целый пласт публикаций и статей. Как пишет И. Р. Ахмедов, «вопрос о финале культуры рязано-окских финнов чрезвычайно важен не только для раннесредневековой археологии Рязанской земли, но и для понимания культурно-исторических процессов, происходивших в Восточной Европе накануне образования Древнерусского государства»¹⁴.

Ориенталист А. С. Васильев, рассматривающий историю традиционного Востока и общества восточного типа, исходит в своей концепции из того, что общества Востока на протяжении тысячелетий структурно отличались от антично-буржуазного Запада и социумов западного типа. Историю Востока России древнего и средневекового периодов исследователь не рассматривает. Он исходит из того, что только города-государства, как зоны урбанистических цивилизаций, «имели необходимый потенциал для последующей эволюции. Именно их правители примыкали к числу тех, кто был готов дать адекватный ответ на обращенный к ним вызов», что сыграло огромную роль в формировании государственности¹⁵.

Однако степь в Средние века была не только источником внешней военной опасности. Со стороны степи исходила угроза культуре оседлых народов. Кочевые народы имели свой тип культуры, и их «завоевания» в сфере производственных технологий неоспоримы. Причем их технологии и культурные достижения благотворно повлияли на культурный и технологический арсенал соседних народов¹⁶. С миграционными процессами связано начало догосударственной и протогосударственной фаз истории одного из самых больших государственных образований Волго-Камья – Волжской Булгарии.

О необходимости преодолеть евроцентристский подход к оценке колыбели тюрко-татарской кочевой истории пишут многие историки. Так, татарский исследователь Э. Р. Тагиров рассматривает Государство хунну как «историю смены волн реформ и прогресса в искусстве управления страной»¹⁷. Исследователь усматривает в односторонности приоритетов опасность предвзятости в отношении прошлого и будущего восточных миров. Он отмечает, что «европоцентризм препятствовал в прошлом, да и сегодня мешает утверждению взгляда на конкурентоспособность и «модельность» не западных культур. В понятие Востока следует включать историю кочевых народов. Как правило, им было отказано «в праве и способности создавать высокие формы государственности, развитые хозяйственные системы и культуры»¹⁸.

Справедливости ради, следует обратить внимание и на традицию культурной легитимации Востока в России. Так, о принципиальной исторической роли создателя и распространителя, транслятора культур писал Н. Рерих: «Не замечая, взяли татары древнейшие культуры Азии и также невольно разнесли их по русской равнине»¹⁹. В ряду ученых, заявивших о необходимости объективных оценок восточного, в том числе тюрко-татарского наследия писали В. В. Бартольд, М. Г. Худяков, Л. Н. Гумилев²⁰. Волжская Булгария в свете изложенного выступает интегральным государственным образованием, становление и развитие которого связано с историей средневековых кочевых и оседлых цивилизаций, взаимоотношений и взаимовлияний Запада и Востока, без которой нельзя воспроизвести ключевые вехи и страницы отечественной истории.

Таким образом, типологизация государственности тесно связана с особенностями политической культуры, с социально-культурной идентичностью развития общества и рассматривается исследователями в контексте двух цивилизаций: европейской и восточной. В нашем случае, восточная цивилизация в лице исламского анклава оказала значительное влияние на формирование системы социальных и политических институтов Среднего Поволжья. В свою очередь, контакты Волжской Булгарии с соседними финно-угорскими этносами и русскими княжествами дополняют панораму связей с государствами и регионами средневекового исламского Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Политология // Энциклопедический словарь. – М., 1993. – С. 64.
2. Кольб. Ф. История человеческой культуры. – СПб., 1872. – Т. II. – С. 84.
3. Плетнева С. А. Хазары. – М., 1976. – С. 43.
4. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало. 2-е изд., испр. и доп. – Изд-во: Новое издательство, 2008. – С. 115.
5. Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro tt Contra. – 2000. – Т. 7. – № 3. – С. 55.
6. История Татар с древнейших времен. – Казань, 2002. – Т. I. – С. 142.
7. Михайлова С. М., Коришанова О. Н. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья. – Казань, 1997. – С. 3.
8. Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1551-1917). – Смоленск, 2001. – С. 23.
9. Крайсман Н. В. Миссионерская политика российского правительства в Среднем Поволжье в XVIII веке: историко-политический анализ. Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2006. – С. 174.
10. Каррер д'Анкос Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. Пер. с фр. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2007. – С. 8-9.
11. Буданова В. П. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. – СПб.: Изд-во Алетей, 2011. – С. 5.
12. Ключевский В. О. Лекции по русской истории читанные В. О. Ключевским. – 1896. – С. 470.
13. Там же. – С. 352.
14. Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Вып. 13. // Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов. – Москва, 2010. – С. 9.
15. Васильев Л. С. История Востока: в 2 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2011. – С. 105.
16. Пичугин А. Б. Бортничество и земледелие в Волжской Булгарии: к истории заимствования в материальной культуре // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – № 3. – С. 65-67.

17. Тагиров Э. Р. На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. – Казань, 2007. – С. 116-117.
18. Тагиров Э. Р. Устойчивость планеты – историческая надежда человечества. – Казань, 2016. – С. 308.
19. Рерих Н. Радость искусства. Собр. соч. Кн. 1. – М., 1914. – С. 123-124.
20. Михайлова С. М., Коршунова О. Н. Традиции взаимодействия культур народов Поволжья. – Казань: ФЭн, 1997. – 106 с.

Список литературы

Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Раннеславянский мир. Вып. 13. – Москва, 2010. – С. 7-34.

Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra. – Т. 7. – № 3. – 2002. – С. 51-76.

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало. – Москва: Новое издательство, 2008. – 464 с.

Буданова В. П. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. – СПб., Изд-во Алетейя, 2011. – С. 337.

Васильев Л. С. История Востока: в 2 т. Т. 1. 6-е изд. – М., 2011. – 722 с.

Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1551-1917). – Смоленск: Русич. – 2001. – 512 с.

История Татар с древнейших времен. Т. I. – Казань: Рухият, 2002. – 551 с.

Каррер д'Анкос Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2007. – 367 с.

Ключевский В. О. Лекции по русской истории читанные В. О. Ключевским. – 1896. – С. 352.

Кольб Ф. История человеческой культуры. Т. II. – СПб., 1872. – 628 с.

Крайсман Н. В. Миссионерская политика российского правительства в Среднем Поволжье в XVIII веке: историко-политический анализ. Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2006. – 235 с.

Михайлова С. М., Коршунова О. Н. Традиции взаимодействия культур народов Поволжья. – Казань: ФЭн, 1997. – 106 с.

Пичугин А. Б. Бортничество и земледелие в Волжской Булгарии: к истории заимствования в материальной культуре // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – № 3. – С. 65-67.

Рерих Н. Радость искусства. Собр. соч. Кн. 1. – М., 1914. – 334 с.

Тагиров Э. Р. На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. – Казань, 2007. – 389 с.

Тагиров Э. Р. Устойчивость планеты – историческая надежда человечества. – Казань, 2016. – 384 с.

References

Akhmedov I. R. *Problema "finalnogo" perioda kultury rязano-okskih finnov (k sovremennomu sostoyaniyu voprosa)* [The problem of the "final" period of culture of the Ryazan-Oka Finns (to the current state of the issue)]. IN: *Ranneslavjanskiy mir* [Early Slavic world]. Moscow, 2010, no. 13, pp. 7-34.

Akhiezer A. *Spetsifika rossiyskoy politicheskoy kultury i predmeta politologiy (istoriko-kulturnoye issledovanie)* [Specific character of Russian political culture and the subject of political science (historical and cultural research)]. IN: *Pro et Contra*, 2002, no. 3, tome 7, pp. 51-76.

Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. *Istoriya Rossii: konets ili novoye nachalo* [History of Russia: end or new beginning]. Moscow, 2008, 464 p.

Budanova V. P. *Velikoye pereseleniye narodov. Etnopoliticheskiye i sotsialnyie aspekty* [The Migration Period. Ethnopolitical and social aspects]. St. Petersburg, 2011, 337 p.

Vasilyev L. S. *Istoriya Vostoka* [History of the East]. Moscow, 2011, 722 p.

Hosking G. *Rossiya: narod i imperia* [Russia: people and empire (1551-1917)]. Smolensk, 2001, 512 p.

Istoriya Tatar s drevneyshih vremen [History of Tatars from the earliest times]. Kazan, 2002, 551 p.

Hélène Carrère d'Encausse *Evraziyskaiya imperiya. Istoriya Rossiyskoy imperii s 1552 g. do nashih dney* [Eurasian empire. History of the Russian Empire from 1552 to the present day]. Moscow, 2007, 367 p.

Klyuchevsky V. O. *Leksii po russkoy istorii chitannye V. O. Klyuchevskym* [Lectures on Russian history read by V. O. Klyuchevsky]. Moscow, 1896, 978 p.

Kolb F. *Istoriya chelovecheskoy kultury* [The History of human culture]. St. Petersburg, 1872, tome II, 628 p.

Kraysman N. V. *Missionerskaya politika rossiyskogo pravitelstva v Srednem Povolzhye v 18 veke: istoriko-politichesky analiz* [Missionary policy of the Russian government in the Middle Volga region in the 18th century: a historical and political analysis]. Kazan, 2006, 235 p.

Mikhailova S. M., Korshunova O. N. *Traditsii vzaimovliyaniya kultur narodov Povolzhya* [Traditions of mutual influence of the cultures of the Volga peoples]. Kazan, 1997, 106 p.

Pichugin A. B. *Bortnichestvo i zemledeliye v Volzhskoy Bulgarii: k istorii zaimstvovaniy v materialnoy culture* [Apiculture and agriculture in Volga Bulgaria: background of borrowings in material culture]. IN: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University]. Kostroma, 2016, tome 22, no 3, pp. 65-67.

Pletnyova S. A. *Khazary* [Khazars]. Moscow, 1976, 96 p.

Rerikh N. *Radost iskusstva. Sobraniye soschineniy* [The joy of art. Collected works]. Moscow, 1914, no. 1, 334 p.

Tagirov E. R. *Na perekrestke tsivilizatsiy. Istoriya tatar v kontekste kultury mira*. [At the crossroads of civilizations. History of Tatars in the context of world culture]. Kazan, 2007, 389 p.

Tagirov E. R. *Ustoychivost planety – istoricheskaya Nadezhda chelovechestva* [The stability of the planet is the historic hope of humanity]. Kazan, 2016, 384 p.

Сведения об авторе

Пичугин Андрей Борисович, аспирант Казанского федерального университета, ассистент Казанского национального исследовательского университета, e-mail: p_andre76@mail.ru

About the author

Andrey B. Pichugin, postgraduate student of Kazan Federal University, assistant at Kazan National Research Technological University, e-mail: p_andre76@mail.ru

В редакцию статья поступила 05.08.2020, опубликована:

Пичугин А. Б. Восток-Запад: этнополитические контрасты в формировании государственных институтов в Средневековье // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 1. – С. 124-131.

Submitted on 05.08.2020, published:

Pichugin A. B. *Vostok-Zapad: etnopoliticheskie kontrasty v formirovaniy gosudarstvennyh institutov v Srednevekovoye* [East-West: ethnopolitical contrasts in formation of state institutions in the medieval period]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2021, no. 1, pp. 124-131.